

Ли Сяньфу перестал выбирать кости из рыбы и принялся чистить креветки. Его руки двигались без остановки, пока сам он спокойно размышлял над этой сценой «нарочитого столкновения». Подобные трюки обычно были излюбленным приемом хрупких «белых цветков», призванным досадить законной девушке и заодно подчеркнуть собственную слабость.

Если не считать Ли Шашу, за этим столом их было всего трое.

Выходит, главным героем, за чье внимание боролись в этой драме о «борьбе за любовь», был он сам?

Придя к этой мысли, Ли Сяньфу неторопливо вытер пальцы:

— Во всем важна очередность. Пожалуйста, не нужно вредить себе, чтобы привлечь мое внимание.

— ...

Цинь Цзинь заговорил строго по делу:

— Она, скорее всего, устроила это представление для гостей за двенадцатым столиком.

Ли Сяньфу проследил за его взглядом. Девушка лет двадцати с небольшим с возмущением смотрела в их сторону, словно они здесь кого-то притесняли.

Рядом с ней сидел человек с выдающимися манерами, относившийся к ней с явным обожанием.

Даже прожив долгое время за границей, Ли Сяньфу сразу понял, кто это. В их кругу было всего две самые известные «маленькие принцессы»: Бянь Шицинь и Ли Тантан.

В те годы они учились в одной школе, но в разных классах. Ли Тантан была первой красавицей школы. Когда все остальные шарахались от него как от прокаженного, одна лишь она под предлогом помощи вечно делала кучу ненужных вещей.

Кто бы мог подумать, что спустя столько лет ее страсть к «благотворительности» никуда не исчезла.

Цинь Цзяюй вдруг поставила пустой бокал и, развернувшись, произнесла:

— Пойду переоденусь.

Ли Сяньфу моргнул и не удержался от искреннего вопроса к Цинь Цзиню:

— У нее с головой все в порядке?

Позвать людей черт знает откуда только ради того, чтобы разыграть сценку «Облиться красным вином».

Цинь Цзинь равнодушно ответил:

— Возможно, она считает это поворотным моментом в своей судьбе.

Ли Сяньфу хотел было пошутить, но вспомнил, как Цинь Цзяюй когда-то ухаживала за Ли Сичунем. Слова замерли на его губах, и он переспросил:

— Неужели Ли Тантан может по уши влюбиться в Цинь Цзяюй только из-за того, что ту облили вином?

Услышав это, Цинь Цзинь безэмоционально усмехнулся.

Жестом велел официанту убрать оставленный Цинь Цзяюй бокал, он продолжил:

— Сострадание порой толкает людей в огонь куда вернее, чем обычная влюбленность.

До этого тихо кушавший Ли Шаша кивнул:

— Высшее удовлетворение для души — стать чьим-то спасителем.

Цинь Цзинь не стал комментировать эти слова. Он терпеливо ждал новых вопросов от Ли Сяньфу, раздумывая, спросит ли тот сначала об их общем прошлом с Цинь Цзяюй или о том, как именно последняя рассчитывает добиться эффекта с помощью одного бокала вина.

Помолчав немного, Ли Сяньфу действительно заговорил, но словно бы сам с собой:

— Выходит, это все-таки не ради того, чтобы привлечь мое внимание.

Он перестал вытирать руки и снова взглянул в сторону Ли Тантан. Ли Сяньфу никак не мог разгадать замысел Цинь Цзяюй. Если дело только в деньгах, то Су Тао, которая сегодня праздновала помолвку, сказочно богата, и нет никакого смысла сидеть на двух стульях.

С другой стороны, хотя семья Ли и его собственная семья конкурировали на рынке, даже при всей слепой любви к Ли Тантан ее родители вряд ли стали бы устраивать войну не на жизнь, а на смерть с другим влиятельным кланом только ради прихоти дочери.

Так и не найдя объяснения, Ли Сяньфу вспомнил о Ли Аньцине. Когда дело касалось нестандартного взгляда на вещи, равных ему не было. Он открыл мессенджер и быстро напечатал сообщение:

Ли Сяньфу: [Сейчас Цинь Цзяюй скрывается под именем Цинь Цзюэ. На своей помолвке с Су Тао она притворилась, что её облили вином, чтобы соблазнить Ли Тантан. Объясни, в чем тут логика?]

Ответ от Ли Аньцина пришел быстрее, чем он ожидал: [Танский Монах добрый?]

Ли Сяньфу: [Вполне.]

Ли Аньцин: [А плоть свою демонам на съедение он отдавал?]

Ли Сяньфу: [...]

Ли Аньцин: [Похоже, в глазах Цинь Цзяюй Ли Тантан — это тот самый готовый жертвовать собой Танский Монах. Добрая до глупости, без каких-либо границ.]

Ли Сяньфу: [...]

Ли Аньцин: [Раз Цинь Цзяюй так поступает, значит, процентов на восемьдесят уверена в успехе. Не знаю, на основании чего она сделала такие выводы о характере Ли Тантан, но лучше держись подальше от этой бомбы замедленного действия с избытком сострадания.]

Ли Сянфу: [Второй брат, я всё понял.]

Когда Ли Сянфу снова взглянул на Ли Тантан, в его глазах она невольно примерила на себя роль Танского Монаха, отдающего свою плоть на съедение демонам. От этой мысли по спине внезапно пробежал холодок.

Отложив на время мысли о Ли Тантан, Ли Сянфу пододвинул стул поближе к Цинь Цзиню и в третий раз попытался расспросить его о давних обидах. Однако стоило ему начать, как он тут же прервал себя:

— Ладно, забудь.

В конце концов, далеко не каждому приятно делиться безрадостным прошлым, словно это какая-то байка.

Не зная, о чем опять размышляет его собеседник, Цинь Цзинь негромко рассмеялся:

— Главная причина, по которой я молчу, — я подыгрываю тебе.

Ли Сянфу слегка растерялся:

— Подыгрываешь мне?

Цинь Цзинь прикрыл глаза, его голос стал чуть глубже:

— В свое время ты дословно сказал следующее: «Да из чего только сделано мое чертово сердце! Если бы мне дали еще один шанс, я бы лучше сидел в классе на уроках, чем лез из любопытства в чужую жизнь».

Ли Сянфу сразу зацепился совсем не за то, что нужно. Переглянувшись с Ли Шашой, он услышал, как сын озвучил его собственные мысли:

— Папа, неужели ты когда-то выражался столь некультурно?

— Времена меняются, — Ли Сянфу посмотрел на Цинь Цзиня. — И мои взгляды тоже.

Он заговорщически моргнул, намекая, что теперь можно говорить без всяких опасений.

Видя, что тот твердо намерен все узнать, Цинь Цзинь слегка откинулся на спинку стула:

— Бог любит троицу. Я уже трижды отказывал тебе, так что этот четвертый раз — исключительно твоя инициатива.

Ли Сянфу кивнул, подтверждая свое согласие.

Цинь Цзинь тихо вздохнул и поведал лишь небольшой эпизод из прошлого.

После гибели родителей в авиакатастрофе ему приходилось разрываться: организовывать похороны и одновременно выкраивать время на развитие бизнеса. Ушедших было не вернуть, но дома оставался младший брат-старшеклассник, так что раскисать от горя было нельзя.

Проект развивался успешно, жизнь постепенно налаживалась, как вдруг в его снах начал звучать чужой голос.

— А ты знаешь? Твой брат мог предотвратить гибель родителей.

В этих снах раз за разом повторялась сцена, где Цинь Цзяюй делала свой выбор. Колебания в ее глазах постепенно сменялись равнодушием, пока взгляд не становился холодным и безжизненным, словно омут с черной водой.

Будучи хозяином сна, он видел каждую деталь с предельной ясностью.

Цинь Цзинь с горечью усмехнулся:

— Я решил, что из-за перенапряжения у меня началось психическое расстройство, и тайно обратился к врачу.

Психотерапевт перепробовал множество методов, но повлиять на сновидения так и не смог. Напротив, кошмары стали еще подробнее, превратившись в детальные картины с места авиакатастрофы. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним представляли разбросанные повсюду обломки и изувеченные тела.

— Позже этот голос стал предсказывать поступки Цинь Цзяюй. И каждый раз все происходило в точности так, как он предупреждал.

— Поняв, что дело не в сумасшествии, я в какой-то момент всерьез захотел убить Цинь Цзяюй, — улыбка сошла с лица Цинь Цзиня. — Но чтобы исключить нелепую ошибку, я решил поговорить с ней.

В тот день у него в кармане даже лежал складной нож.

— К сожалению, я не знаю, что произошло дальше. С тех пор днем мои воспоминания об этом стирались, а ночью голос исправно возвращался, с еще большей жестокостью прокручивая те же сцены.

«Хочешь прекратить все это — просто умри».

Голос настойчиво внушал ему эту мысль раз за разом.

Во сне он был бессилен и лишен возможности даже покончить с собой. Проснувшись же, он забывал ночные кошмары и снова становился заботливым старшим братом — уходил с головой в работу, стараясь обеспечить учившейся тогда Цинь Цзяюй безбедную жизнь.

На протяжении всего рассказа Цинь Цзинь говорил очень сдержанно, будто пересказывал чужую историю.

— Последние несколько лет этот голос не давал о себе знать, — он тихо хмыкнул, но его пальцы на столе медленно сжались в кулак. — Я-то думал, моя «замечательная» сестрица действительно мертва.

Договорив, Цинь Цзинь повернул голову и слегка опешил.

Ли Шаша с абсолютно бесстрастным лицом вытирал салфеткой слезы в уголках глаз, бубня ровным монотонным голосом:

— Какой кошмар. Больше трагедии и представить нельзя.

— ...

Ли Сянфу нахмурился, размышляя о более насущных вещах:

— Теперь, когда Цинь Цзяюй вернулась, нельзя исключать, что этот голос снова начнет тебя донимать.

Ли Шаша повернулся к нему:

— Папа.

— Подожди секунду.

Он опустил голову и принялся писать Ли Аньциню.

Ли Сянфу: [Я хочу предложить Цинь Цзиню пожить у нас несколько дней.]

С Ли Шашой рядом они наверняка смогут защитить Цинь Цзиня от посягательств других систем.

Ли Аньцин: [???

Ли Сянфу: [Второй брат, я только что выслушал рассказ Цинь Цзиня о прошлом. Ему действительно пришлось несладко.]

Ли Аньцин: [Несладко при его-то сотнях миллиардов?]

Ли Сянфу: [Но он несчастлив.]

<http://bllate.org/book/18300/1757088>